

"Поэтический мед"

Сказания о богах

К западу от Асгарда с незапамятных времен лежит Ванахейм, царство могучих и добрых духов Ванов. Эти духи никому не причиняют зла. Они редко выходят за пределы своей страны, и им не приходится встречаться с людьми и великанами.

Асы и Ваны долгие годы жили в мире друг с другом, но как только из Йотунхейма пришли норны и золотой век окончился, Асы все с большей завистью стали смотреть на огромные богатства своих соседей и наконец решили отнять их силой.

Получив от гномов Мйольнир, Тор тут же умчался на восток сражаться с великанами, и Один, зная, что его старший сын теперь не допустит Гримтурсенов в Асгард, собрал богов и повел их в поход на Ванахейм.

Духи смело вышли им навстречу, и владыка мира, метнув в них свое неотразимое копье, совершил первое в мире убийство из-за золота. Так исполнилось еще одно предсказание норн - боги пролили кровь, за которую им рано или поздно придется отдать свою.

Начатая Асами война не принесла им ни желанного богатства, ни славы. Дружные и свободолюбивые Ваны отбили нападение богов и, прогнав их обратно в Асгард, осадили его со всех сторон. Тогда Асы поспешили заключить с духами мир и обменялись с ними заложниками. Боги отдали Ванам Генира, а духи прислали им Нйодра вместе с его двумя детьми - Фрейром и Фрейей, - которые до сих пор живут в Асгарде. После этого все Асы и Ваны в знак вечной и нерушимой дружбы плюнули в большой золотой сосуд и из собранной в нем слюны вылепили карлика Квазира.

Сочетая в себе всю мудрость и все знания богов и духов, Квазир был самым умным и ученым существом на свете. Он был сведущ во всех науках и говорил на всех языках. Спустившись на землю, карлик некоторое время ходил среди людей, пытаясь передать им свои огромные знания, но те думали только о богатстве. Они торговали, воровали, или воевали между собой и мало прислушивались к словам маленького мудреца. Тогда Квазир отправился в Свартальфахейм к черным гномам, но и они были заняты лишь тем, что усердно собирали золото, серебро и драгоценные камни. Переходя

из одного жилища гномов в другое, Квазир наконец пришел к двум братьям: Фйаляру и Галяру.

- Я могу научить вас любой науке и любому искусству, - заявил он. -
Говорите, что бы вам хотелось узнать?

- Разве ты так учен? - спросили его гномы.

- Я ученей всех на свете! - гордо ответил маленький карлик.

- Тогда расскажи нам, как устроен мир, - сказали братья.

Радуюсь, что нашел слушателей, Квазир заговорил об ясене Игдразиле, об Асгарде и его чудесных дворцах, о богах и великанах и о предсказании норн.

- Этот карлик и правда много знает, - шепнул Фйаляр на ухо брату, - и из его крови можно приготовить напиток, который и нас сделает такими же мудрыми.

- Ты прав, - отвечал Галяр.

И, в то время как Квазир продолжал свой рассказ об устройстве мира, братья-гномы бросились на него и убили.

Потом они выпустили из карлика кровь, смешали ее с медом и наполнили ею два кувшина и котел. Получившийся от этой смеси напиток обладал чудодейственным свойством: каждый, кто хотя бы раз его пробовал, становился искусным поэтом, за что напиток был прозван "поэтическим медом".

Боясь мести богов, гномы скрыли от них свое преступление. Они распустили слух, что ученый карлик умер, задохнувшись от собственной премудрости, так как не было на земле человека, с которым бы он мог ею поделиться. Однако убийство Квазира недолго оставалось тайной. В скором времени Фйаляра и Галяра посетил великан Гиллинг, и они не удержались, чтобы не похвастаться перед ним "поэтическим медом".

- Дайте и мне его попробовать, - попросил великан.

- Нет, - отвечали братья. - Этот мед дорого стоит, и мы не хотим отдавать его даром.

- Хорошо, я принесу вам за него много золота, сказал Гиллинг.

Он собрался уходить, но гномы уже жалели о том, что проболтались, и, боясь, что великан их выдаст, решили убить его так же, как и Квазира.

- Подожди немного, - сказали они. - Мы собирались сегодня покататься на лодке. Не поедешь ли ты вместе с нами?

Гиллинг охотно согласился, братья же, зная, что он не умеет плавать, отвезли его на глубокое место, а потом неожиданно перевернули лодку, и великан камнем пошел на дно.

Фйаляр и Галяр были хорошими пловцами и благополучно достигли берега, но тут их уже поджидал старший сын Галлинга, Гуттунг. Стоя на горе, он видел, как гномы убили его отца, и теперь желал отомстить.

- Вы умрете той же смертью, какой умер ваш гость! - в гневе воскликнул он. - Я привяжу вас обоих к скале, которая во время прилива покрывается водой, и там вы будете томиться, пока вас не поглотит море или взошедшее солнце не превратит в камни.

- Пощади! - взмолилось братья. - За нашу жизнь мы отдадим тебе "поэтический мед" - напиток, которого нет даже у богов. Один его глоток сделает тебя замечательным поэтом.

- Если у вас действительно есть такой мед, я согласен принять его как выкуп за смерть отца, - отвечал Гуттунг. - Но вы должны отдать мне его весь, до последней капли, и рассказать, как и из чего вы его сделали.

Гномы волей-неволей приняли его условия, и Гуттунг, получив "поэтический мед", отправился с ним домой. Здесь он спрятал его в глубокой пещере, стены, потолок и пол которой были из твердого гранита, а у входа в нее посадил свою дочь Гуннлед.

От Гуттунга и его дочери об убийстве Квазира и о "поэтическом меде" постепенно узнали все великаны, а еще через несколько дней вороны и волки отца богов донесли эту весть до Асгарда.

Один приказал сейчас же строго наказать Фйаляра и Галяра, а сам тем временем решил похитить "поэтический мед" и перенести его в Валгаллу.

Переодевшись в платье бедного странника, он долго шел через Йотунхейм, пока не увидел большой луг, на котором девять великанов косили траву. Это были слуги младшего брата Гуттунга, Бауги, и Один заметил, что, несмотря на ранний час, с них уже градом катится пот.

- Почему вы так устали? - спросил он. - Ведь ваша работа совсем не тяжелая.

- У нас очень тупые косы, - отвечал ему один из великанов, - а то бы мы уже давно скосили весь луг.

- Этому горы легко помочь, - возразил Один, вынимая из-за пазухи точильный камень. - Вот, глядите! Стоит немного потереть этим камнем ваши косы, как они опять станут острыми.

- Отдай его мне! - воскликнул один великан.

- Нет, мне! - возразил другой.

- Нет, мне! Нет, мне! Нет, мне! - хором закричали остальные косцы.

- Пусть он достанется самому ловкому, - засмеялся Один и изо всех сил подкинул камень вверх.

Великаны бросились его ловить, потом стали вырывать его друг у друга и в конце концов передрались между собой, пустив в дело свои косы.

Гримтурсены бились столь яростно, что не прошло и десяти минут, как все они уже лежали на траве без признаков жизни.

К полудню на луг пришел Бауги и, увидев своих слуг мертвыми, схватился за голову.

- О, горе мне! - воскликнул он. - Кто же теперь будет косить мои луга и убирать мой хлеб? Где я найду новых работников?

- Не печалься, - сказал старейший из Асов, подходя к нему. - Если хочешь, я буду работать на тебя все лето и сделаю один столько же, сколько они

сделали бы вдесятером.

Великан с удивлением посмотрел на Одина.

- Ты такой маленький и берешься заменить мне всех моих слуг? - спросил он. - Как же тебя зовут?

- Меня зовут Больверк, - отвечал владыка мира. - И хотя я и маленький, а сделаю то, что сказал.

- А что ты хочешь получить за свою работу? - нерешительно спросил Бауги.

- Только один глоток того меда, который хранится у твоего брата, - сказал Один.

- Я не могу обещать это, - промолвил великан. - "Поэтический мед" принадлежит Гуттунгу, и он никому не дает его пить.

- Тогда поклянись, что ты сможешь мне его добыть, - потребовал Один.

- Хорошо, - согласился великан. - В этом я могу тебе поклясться. Мне и самому уже давно хочется его попробовать, и, если мы добудем мед, мы поделим его пополам.

На том они и порешили. Один остался у Бауги до глубокой осени и работал один за девятерых. Он скошил на лугах траву, убрал на полях хлеб, а потом обмолотил его и свез в амбары. Наконец, когда с деревьев слетели последние листья, а на речке появился первый ледок, отец богов пришел к Гримтурсену и потребовал, чтобы тот выполнил свое обещание.

- Я бы с удовольствием тебе помог, - отвечал Бауги, да не знаю, как это сделать. Дочь Гуттунга, Гуннлед, и день и ночь сидит около меда и никого к нему не подпускает.

- Сначала отведи меня туда, где он спрятан, - заявил Один, - а там я придумаю, как его достать.

Великан неохотно послушался и повел владыку мира к горе, в которой находилась пещера его брата. Внимательно оглядев ее со всех сторон, Один достал заранее приготовленный им длинный бурав и, подавая его Бауги, сказал:

- Если мы не можем войти в пещеру спереди, войдем в нее сзади. Возьми этот бурав и просверли им гору против того места, где хранится мед.

- Но как же мы пролезем в такое маленькое отверстие? - удивленно спросил Гримтурсен.

- Сначала сделай его и тогда увидим, - улыбнулся старейший из Асов.

Великан недоверчиво покачал головой и принялся за работу, однако мысль о том, что его могут обмануть, не давала ему покоя, и он в свою очередь решил схитрить.

- Я уже просверлил гору насквозь, Больверк, - сказал он немного спустя, выдергивая бурав и кладя его на землю, - можешь доставать мед.

Вместо ответа Один с силой дунул в просверленное отверстие. Из него вылетели песок и искрошенные камешки.

- Нет, ты еще не добрался до пещеры, - возразил он, - иначе весь этот щебень полетел бы внутрь, а не наружу.

Удивляясь про себя сообразительности своего бывшего слуги, великан снова взялся за бурав и на этот раз довел дело до конца.

- Готово! - объявил он, оборачиваясь к Одину. - Теперь можешь дуть сколько хочешь.

Отец богов дунул и убедился, что исполин сказал правду.

- Как же ты собираешься достать мед, Больверк? - спросил Бауги.

- А вот как, - отвечал Один и, превратившись в червяка, поспешно юркнул в отверстие.

Великан понял, что его провели. Он схватил бурав и попытался достать им владыку мира, чтобы проколоть его насквозь, но тот уже достиг пещеры и

благополучно спустился на пол.

Услышав позади себя какой-то шорох, сидевшая у порога Гуннлед тотчас же встала и внимательно оглядела все углы.

- Ах, какой противный червяк! - воскликнула она и уже хотела раздавить его ногой, когда червяк на ее глазах вдруг превратился в прекрасного юношу.

- Кто ты? - спросила пораженная девушка.

- В той далекой стране, откуда я родом, меня звали Больверк, - отвечал Один. - Ну, а теперь прощай, Гуннлед. Я забрел к вам мимоходом, и мне нужно идти дальше.

- Ах нет, останься со мной, милый юноша! - воскликнула великанша, с восхищением смотря на незваного гостя. - Ты так хорош, что, глядя на себя, забываешь обо всем на свете. Останься, и я отдам тебе все, что ты захочешь.

- Только три дня я могу быть с тобой, Гуннлед, - сказал отец богов. - И за эти три дня ты должна дать мне три глотка того напитка, который хранится у твоего отца.

- Хорошо, Больверк, - сказала девушка. - Мой отец жестоко накажет меня за это, а три дня - это только три дня, но даже за минуту счастья можно отдать многое. Пусть будет так, как ты хочешь.

Назначенный Одним срок прошел быстро. Три раза заглядывало солнце в пещеру Гуттунга, когда же оно заглянуло туда в четвертый раз, Гуннлед подвела старейшего из Асов к сосудам и сказала:

- Мне жаль с тобой расставаться, Больверк, но я дала слово и не буду тебя задерживать. Выпей три глотка меда и ступай куда хочешь.

Как вы помните, "поэтический мед" хранился в двух кувшинах и котле. Первым же глотком владыка мира осушил один кувшин, вторым - второй, а третьим - котел.

- Прощай, Гуннлед, спасибо тебе за гостеприимство, - сказал он и, превратившись в орла, вылетел из пещеры.

- Прощай, Больверк! - со слезами на глазах прошептала девушка. - Неужели, ты приходишь только затем, чтобы я потом тосковала всю свою жизнь?

В это время в пещеру вбежал Гуттунг. Возвращаясь домой, он увидел вылетевшего из нее Одина и заподозрил неладное.

- Где мед? - спросил он у дочери.

Гуннлед молча показала ему на пустые сосуды.

Великан издал глухое проклятие и, накинув на себя свое орлиное оперение, помчался следом за отцом богов.

Выпитый Одином мед мешал ему лететь, и, когда он достиг Митгарда, Гуттунг стал его нагонять. Тогда, видя, что великан вот-вот его схватит, Один выплюнул часть меда на землю и, быстро замахав крыльями, достиг Асгарда. Здесь он наполнил принесенным им напитком большой золотой сосуд и отдал его своему сыну, богу поэтов Браги.

С того дня подлинное поэтическое искусство существует только в Асгарде или у тех, кого боги им наделяют. Правда, та часть меда, которую выплюнул владыка мира, упала на землю и стала достоянием людей, но это были подонки, отстоявшиеся на дне сосудов, - вот почему на свете так много плохих поэтов.